

"Всегда с книжкой"

Уйдя из семинарии, Иосиф круто порывает со своим прошлым. Стачки, сходки, митинги, демонстрации, нелегальные кружки, заседания, явки, встречи, постоянные переезды составляют теперь основное содержание его жизни, когда он на свободе. Тем не менее он находит силы и время для самообразования.

Революционеры той поры с гордостью вспоминали потом, как они, будучи арестованными, проходили "тюремные университеты". В камерах велись политические дебаты, обсуждались научные проблемы, читались — самими заключенными друг другу — обстоятельные лекции. Попадая в тюрьму и ссылку, Коба тоже не терял времени зря. Даже недружелюбные к нему люди отмечали, что при малейшей возможности он всегда обращался к книге — "всегда с книжкой"⁴³. Таким запомнил его человек, сидевший с ним в 1908 году в Бакинском центrale.

Редакции либерально-прогрессивных издательств, журналов и газет считали священным долгом посыпать в места заключения свои издания. За весьма умеренную плату можно было выписывать и в далекую Сибирь едва ли не любые книги, журналы, газеты. Всем этим вполне пользовался в ссылке и Коба. Книги он читает основательно, любит делать на них пометы, что зачастую раздражало товарищей: книги-то не его личная собственность, а принадлежат всем. Коба не слишком общителен, оказывая нередко явное предпочтение интересной книге перед обществом товарищей. Впрочем, если они признают его лидерство, он может быть и достаточно обаятельным, располагающим к себе.

Сольвычегодскую ссылку в 1910 году вместе со Сталиным отбывал Иван Голубев, социал-демократ крепкой выучки, большевик. Но после Октябрьской революции он не сделал большой карьеры. В 1936 году Голубев написал воспоминания об этой ссылке, которые, насколько мне известно, не были напечатаны, но хранились в Центральном партийном архиве в сталинском фонде.

"Мы получали довольно много художественной литературы, журналов и газет: "Русские ведомости", "Русское слово" или "Утро России", "Киевскую мысль", доставляли и "Новое время". Журналы: "Новый мир", "Русское богатство", "Вестник Европы". Сборник "Знание", а, как известно, в "Знании" печатались М. Горький, Л. Андреев, Скиталец, Бунин, Гусев-Оренбургский и др."⁴⁴.

Надо полагать, что эти издания внимательно проматривались Сталиным. Он проводил своего рода семинары-политзанятия среди близких ему ссыльных. Они изучали, по Мерингу, историю германской социал-демократии. Коба, вспоминал Голубев, с увлечением читал исторические книги, в частности Ключевского. Удивлял Stalin осведомленностью и в вопросах художественного творчества. Он "много рассказывал о том, как работали над своими произведениями Пушкин и Толстой, собирая и изучая материал..."⁴⁵.

Среди ссыльных были и свои поэты. Собрались как-то послушать одного из них. "Прослушав одно-два стихотворения, разговор пошел вообще о роли художественной литературы и поэзии. В этой дружеской беседе Иосиф Виссарионович прочел целую лекцию... Она сводилась примерно к следующему: что литератор, поэт, полагающийся только на свою художественную интуицию, не работает над собой, как бы ни была звучна и красива его продукция, она ничего не оставит в сознании людей, забывается, а сам автор выбрасывается за борт"⁴⁶. (При цитировании сохранена лексика и грамматика мемуариста.)

Голубев в приукрашенных тонах рисует Сталина, но, скорее всего, близко к истине передает содержание его "лекции". В ней звучит некоторое недоверие к художественной интуиции, что отвечало общим установкам марксистской гносеологии и эстетики тех лет. Упомали обычно не на интуицию, а на логику. Кстати, она являлась одним из любимых предметов Кобы в семинарии.

Не всегда хочется доверять мемуаристу, когда он перечисляет писателей, сочинения которых читали ссыльные. Очень уж много названо имен. Впрочем, а почему нет? Чем еще можно было заняться в сибирской глупши? "У нас имелись сочинения и таких авторов, как Л. Толстой, А. Франс, Ибсен, Куприн, Брюсов, Арцыбашев, Сологуб, Мережковский, Пшибышевский, наконец "Красная звезда" и "Инженер Менни" Богданова и даже "Конь Бледный" Ропшина (Савинкова)"⁴⁷. Еще один ссыльный сообщал, что "на столе у Иосифа Виссарионовича среди других книг почти всегда можно было найти Салтыкова-Щедрина, Чехова, которых он очень любил и часто цитировал"⁴⁸.

По словам Голубева, будущий генсек "очень критично" относился к Мережковскому и Пшибышевскому, да и "других не щадил"⁴⁹. Речь идет о произведениях декадентской литературы. Ее нередко отвергали самые выда-

ющиеся умы России — Вл. Соловьев, Лев Толстой, П. Столыпин... Хуже было иное.

Выступая против упаднических тенденций в художественной литературе, марксистская критика и публицистика подчас выплескивала вместе с водой и ребенка. Она не сумела оценить то великое новое, что несло в себе искусство начала столетия, которое иногда действительно тесно смыкалось и даже переплеталось с декадансом, но в лучших и ведущих своих проявлениях имело с ним мало общего, а то и вовсе ему противостояло. Вспомним имена А. Блока, И. Анненского, А. Белого, В. Иванова.

Аналогичный подход к новейшей литературе характерен и для Сталина, во многом замкнувшегося в своих художественных пристрастиях на отечественной классике XIX века. Это было бы его частным делом, если бы он, став во главе страны, не принялся возводить личный вкус в ранг всеобщего эстетического законодательства.

В сталинском фонде РЦХИДНИ хранятся воспоминания Полагеи (Полины) Георгиевны Онуфриевой (Фоминой), которые составлялись ею летом 1944 года. Любопытный документ.

Онуфриева познакомилась в Вологде с приехавшим туда после окончания сольвычегодской ссылки Иосифом Джугашвили летом 1911 года. Она считалась невестой его товарища П. Чижикова. Он умер вскоре после Гражданской войны, их брак не состоялся. Работники Вологодского дома-музея И. В. Сталина и сотрудница московского Института Маркса—Энгельса—Ленина застали Полю замужем за неким старшим техником Нефтесбыта, одновременно заведовавшим столовой. Жили они в досстаке. Сама Онуфриева очень короткое время после окончания гимназии работала учительницей. После 1917 года она всю жизнь оставалась домохозяйкой и никакими общественными делами не занималась. Никогда о себе вождю не напоминала. Видно, была женщиной сдержанной, осторожной.

Полина знала Иосифа около месяца, и они, судя по ее словам, немало времени проводили вместе. "Он постоянно заходил к нам на квартиру... Мы подолгу разговаривали о литературе, искусстве, о книжных новинках. Больше всего эти собеседования мы проводили в Александровском или в Детском садах, сидя в летние дни где-нибудь на скамеечке в тени. Если мы бывали дома у нас, то вели себя свободно — читали, каждый про себя, что-нибудь"⁵⁰.

Иосиф, сообщает Онуфриева, записался в Вологде в городскую библиотеку — это подтверждается и данными губернского жандармского управления. Оно вело постоянное наблюдение за Кавказцем. Согласно донесениям филеров, за три месяца двадцать два дня пребывания в городе поднадзорный 17 раз посетил библиотеку⁵¹. В кино и театр он не ходил.

Как всегда, Коба много читал. Тогда в большой моде был Арцыбашев. Интересовал он и любознательную девушку. Иосиф веско сказал: "Это писатель низменных чувств. Пошлый писатель, о пошлости и пишет"⁵².

Однажды на обложке журнала они рассматривали репродукцию с картины Леонардо да Винчи "Джоконда". Провинциальной девушке картина не понравилась: "Чего хорошего. Нарисована женщина, да и то хитрая"⁵³. Иосиф с ней не согласился и долго рассказывал о картинной галерее Лувра. Stalin в Париже никогда не бывал, но, наверное, немало читал о нем.

Как пишет С. Аллилуева, "отец вообще никогда не любил картин и фотографий"⁵⁴. Это вроде бы противоречит информации Онуфриевой, но, судя по другим ее словам, Иосиф и не являлся очень уж глубоким ценителем живописи. Он сказал, возражая Полине: "Может, и хитрая, но нарисована очень хорошо. Вы посмотрите, какая тонкая работа, даже жилки под глазами видно..."⁵⁵ "Жилки" — не главное в знаменитом творении Леонарда.

По словам Онуфриевой, Stalin тогда собирал открытки с изображением классических картин. Когда он бежал из ссылки, на его квартире осталось их "большое количество".

Во время знакомства с Полиной Иосиф внимательно читал неоднократно переиздававшуюся до революции работу П. Когана "Очерки по истории западноевропейских литератур" (М., 1909 г.). На полях книги — сталинские пометы, их немного, но они примечательны.

Рассматривая шекспировское творчество, Коган замечает: "Мы остановились **далеко не на всех** важных произведениях Шекспира..." Джугашвили подчеркивает эти четыре слова и несколько неразборчиво пишет на полях: "Совершенно не кас(ается) пьесы "Буря" тема важной характеристики самого Шекспира"⁵⁶. Очевидно, что Stalin читал Шекспира (или о нем) и до знакомства с работой Когана.

Бывший семинарист обращает внимание на большую цитату из Руссо, где он рассуждает о Боге. Подчеркнуто в тексте и на полях справа: "И я не рассуждаю о Нем. Для

Бога более оскорбительно, если неправильно судят о Нем, чем если вовсе о Нем не думают”⁵⁷. К теме Бога Сталин, при всем своем атеизме, был всегда не безразличен. Отметил Иосиф и место, где речь идет о свирепых гонениях на евреев в эпоху средневековья, а также рассуждения о ложноклассицизме и складе французского национального характера. В последнем случае он написал на полях: “скупость!”⁵⁸

Книгу Когана Коба подарили своей вологодской приятельнице с шутливой надписью: “Умной скверной Поле от Чудака Иосифа”⁵⁹. “Скверной” дразнили девушку из-за ее ершистого характера. У жандармов же она проходила под кличкой Нарядная. Судя по фотографии тех лет, Поля не была красавицей, но внимание двух взрослых мужчин с романтической в ее понятиях биографией, наверное, льстило ей, и она старалась не ударить в грязь лицом. Подаренную книгу Онуфриева сохранила и с большой неохотой отдала музею, откуда она и попала в Центральный партийный архив.

“Чудак Иосиф” доверял девушке и рассказывал ей о своих переживаниях в связи со смертью любимой жены Като Сванидзе в 1908 году. “Он мне часто говорил: “Вы не представляете, какие красивые платья она умела шить”. Как мужчина, он понимал, что красивое. А ведь не всякий мужчина в этом разбирается”⁶⁰.

Сохранились две открытки, посланные Иосифом в Тотьму, куда уехала Поля, там она училась и жили ее родители, в Вологду же приезжала на каникулы. На первой, от 24 декабря 1911 года, изображены танцующие женщины-богини или нимфы, одна — с обнаженной грудью. На второй — скульптурные фигуры целующихся обнаженного мужчины и полуобнаженной женщины, отправлена она из Вологды 15 февраля 1912 года. Такие несколько фривольные картинки были в моде тогда, особенно в провинции.

Коба пишет девушке в нехарактерной для него легкой, непринужденной манере. “Ну-с ”скверная” Поля, я в Вологде и целуюсь с ”дорогим”, ”хорошим” ”Петенькой”. Сидит за столом и пьет за здоровье ”умной” Поли. Выпейте же и Вы за здоровье известного Вам ”чудака”. Иосиф”⁶¹.

В февральской открытке Коба дружески нежен: “За мной числится Ваш поцелуй, переданный мне через Петью. Целую Вас ответно, да не просто целую, а горррррючо (просто целовать не стоит). Иосиф”⁶².

Несомненно, в отношениях с вологодской приятельницей Сталин раскрывается с неожиданной и лучшей стороны. Это же следует сказать и о его чувстве к Надежде Аллилуевой. Поля была быстро им забыта, а второй жене он принес, хотя и любил ее, в конечном счете, глубокие страдания и смерть. Тут не существенно, сама ли она нажала на револьверный курок, или это сделал ее супруг. Все равно он несет моральную ответственность за ее кончину.

Сталину были отнюдь не чужды и отцовские чувства, что особенно рельефно проявилось в его отношении к Светлане, пока она не выросла. Но и его любви к дочери присущ деспотический оттенок. В юности у Сосо имелись друзья. К кому-то из них он сохранит и впоследствии добрые чувства. Но больше свойственно ему предавать друзей, попирая законы дружбы, как попирал он и родственные связи.

Не будет преувеличением сказать, что Сталин представлял собой законченный тип эгоцентрика, и это определяло его подход к людям и в решающей мере — к искусству. Безусловно, он был способен к сильному духовно-эмоциональному переживанию художественного произведения. Но такое сопереживание почти фатально замыкалось обычно на нем самом, на его "эго". В целом искусство не делало Сталина добрее, мягче. В этом смысле он не был интеллигентом в подлинном смысле данного понятия.

Но еще раз скажу: объем сталинской образованности не стоит преуменьшать. Он серьезно интересовался не только художественной литературой и историей, он занимался и философией и, для политика, был довольно компетентен в ней.

В письме, посланном одному из грузинских революционеров, М. Цхакая (1908 г.), Коба обнаруживает хорошее знание тех теоретических дискуссий, которые велись в партии вокруг махизма. Видно, что он читал Плеханова и не поналышке знаком с взглядами Дицгена, Маха, Авенариуса. Он оценивает двух последних более терпимо, чем Ленин. В философии Маха и Авенариуса, в их интерпретации научного знания грузинский марксист усматривает и "хорошие стороны", хотя в целом отвергает эмпириокритицизм. За догматическое непонимание этих "хороших сторон" им высмеивается Плеханов⁶³.

Впрочем, сами бурные споры вокруг махизма в партийных кругах за рубежом кажутся Кобе, как революци-

онеру-практику, если не схоластическими, то несколько далекими от жизни. Тем не менее он выказывает вкус если не к теории, то к публицистике. Коба пишет статьи, регулярно печатается в грузинских изданиях.

Судя по переводам, пишет он несколько сухо, строго "по делу". Однако чувствуется, что чтение художественной литературы не прошло впустую. В его статьях есть упоминания о Гамлете и Дон Кихоте⁶⁴. Первый представляется Кобе олицетворением рефлексирующего субъекта, что не вызывает в нем симпатии. Второй — человеком, оторванным от жизни, сражающимся с ветряными мельницами. О шекспировском герое кремлевский владыка вспомнит, и не раз, в официальных выступлениях.

По-видимому, Сталин был знаком с драмами Ибсена, они были популярны в России. В 20-е годы генсек увлечется Бретом Гартом и будет советовать его читать ответственным работникам золотопромышленности. В те же годы вождь обнаружит знание "знаменитого романа Альфонса Додэ о Тартарене из Тараксона"⁶⁵. Используя образ этого героя, Сталин едко высмеивал хвастунов и прожекторщиков. Читал он в те годы и пьесу "Заговор Фиеско" Ф. Шиллера.

Понятно, что основы своих эстетических (и не только эстетических) знаний Джугашвили закладывал еще в молодости, когда читал едва ли не все, что попадало под руку. Тогда люди вообще были более "книжными" — не существовало ни радио, ни телевидения. Как я уже отмечал, Сталин — самоучка со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но семинарская выучка все же помогала как-то упорядочить и систематизировать прочитанное. Во всяком случае, с его феноменальной памятью то, что прочитывал, усваивал прочно. И умел блеснуть эрудицией.

На этот счет можно привести немало примеров из позднего Сталина. Ограничусь лишь одним. В марте 1937 года генсек принимает испанских писателей-антифашистов Рафаэля Альберти и Марию Тересу Леон. С грузинским радушием Сталин умел создавать на таких встречах доверительную обстановку неформального общения. Его собеседники вышли от вождя, им совершенно покоренные. Какой широко мыслящий, образованный государственный деятель!

Разговор шел не только о политике, хотя ее темы и являлись главными. Согласно воспоминаниям переводчицы, "беседа коснулась задач испанской интеллигенции,

и особенно задач испанской литературы. В этой части беседы товарищ Сталин обнаружил такое основательное знакомство с современной испанской литературой, что испанские гости были ошеломлены”⁶⁶.

Вероятно, чтобы ошеломить гостей, требовалось не слишком многое: упомянуть в разговоре несколько имен и произведений испанских авторов. Подобного рода упоминания обычно заготавляются заранее, на что у каждого крупного государственного деятеля есть необходимый штат помощников и референтов. Имелся он и у Генерального секретаря ЦК партии.

Однако он никогда на этот штат полностью не полагался. Можно не сомневаться, что кое-что из тех же испанских авторов Сталин прочитал или просмотрел сам. К тому времени он знал базовые произведения западной классики, не говоря уже о русской. Выше назывались имена таких писателей, как Шекспир и Гюго. К ним можно добавить Гейне, Бальзака, Мопассана... Так что разобраться в современных испанских авторах кремлевскому хозяину не составило большого труда. Менее уверенным почувствовал бы он себя, если бы пришлось говорить об испанских художниках. Но Сталин умел направлять разговор в нужное ему русло.

Бывая в дооктябрьскую пору за границей, Коба не посетил, кажется, ни одного музея или художественной выставки. И времени было мало, и, думается, не испытывал в этом настоятельной потребности.

Русские интеллигенты-оппозиционеры являлись, как правило, убежденными литературоцентристами в эстетических ориентациях. Социалисты-марксисты были зачастую литературоцентристами крайними, программными. В романистике, а еще лучше в публицистике они легко усматривали прямой социальный смысл и не очень-то улавливали его в более “чистом” искусстве — в изобразительном искусстве, в симфонической музыке, в опере, в балете... Тут марксисты порою перекликались с Л. Толстым, рассматривавшим, например, оперу как малопозволительную роскошь.

В живописи русским демократам и социалистам ближе всего были отечественные передвижники с их очевидной социальной заостренностью. И дальше передвижников многие не шли. Между тем именно в живописи зачинались важнейшие из тех эстетических переворотов, которые потрясали искусство двадцатого столетия. О Пикассо, Кандинском, Малевиче даже образованные

большевики либо вовсе ничего не знали, либо отвергали с порога. Все это-де — декадентство, мистика, штукарство.

Левые в политике, революционеры ленинского круга стояли преимущественно на традиционалистских позициях в эстетических вопросах, что отражалось и на их понимании общественной роли отдельных искусств. С этой точки зрения Сталин не представлял исключения. Он образовывал себя на литературной классике, на реализме и был относительно маловосприимчивым к кардинально новому, иному в художественной культуре.

Улан-Удэ Р.П.!
Ваше письмо адресовано
меня самому, и я хот-
ел бы напечатать его
по адресу, и. е. на следу-
щем месте Соб. №. Дир.
(или служб. листок).
Поэтому адресую ее Тар. Майму
и не пишите, п. п.
Саша пишет тебе самое
лучшее (если адресовано
меня самому), и я
адрес, потому что это
установлено. — За него
пишет Тар. Майму, а
передавать надо тебе самому.
Конечно Тар. Майму
не пишите никаких
запросов (просо-
ществовать не буду). Удачи.

Открытка,
посланная Сталиным
его вологодской
приятельнице
Полине
Онуфриевой.